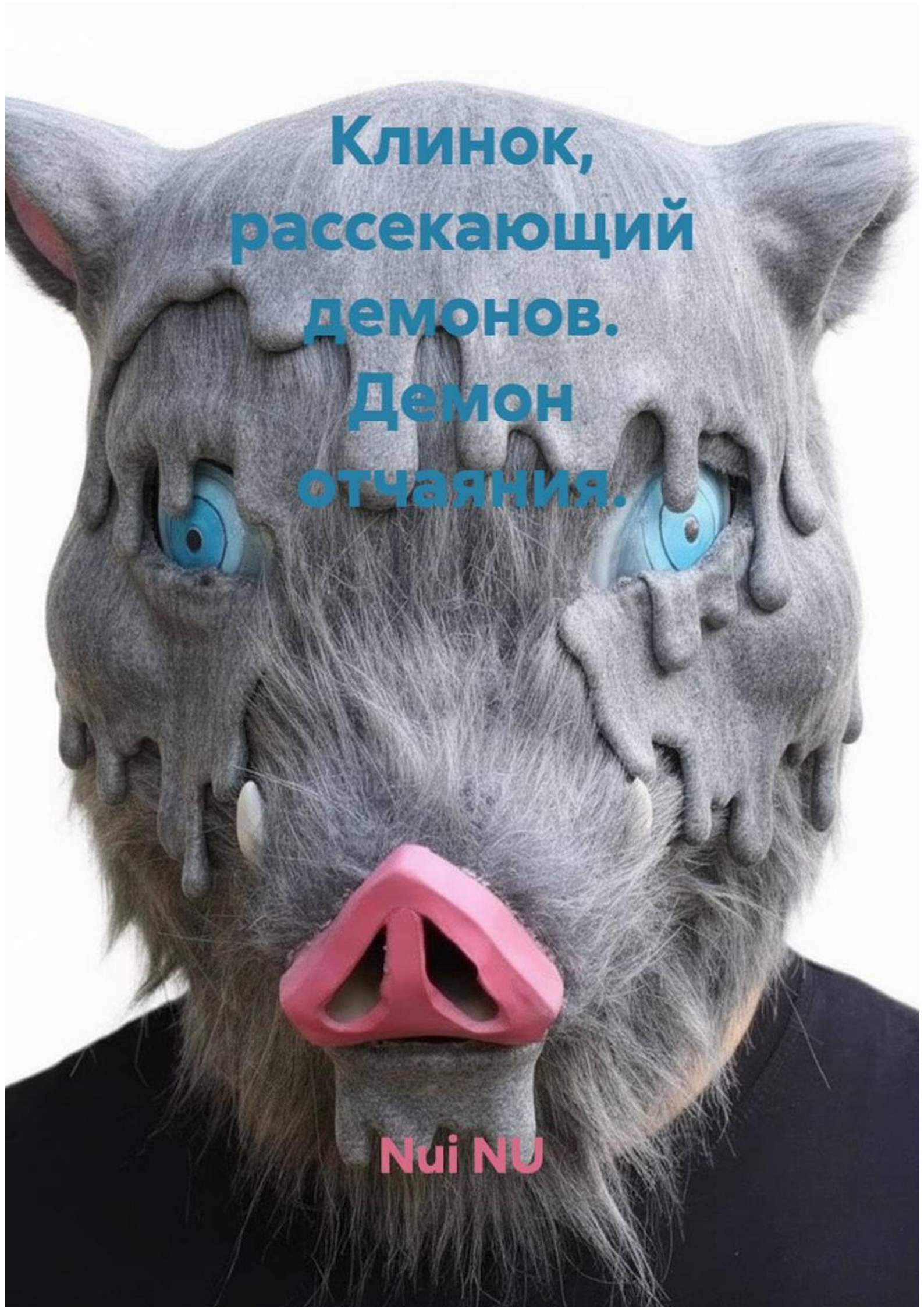

A close-up photograph of a grey pig mask. The mask has large, bright blue eyes with black pupils. The snout is a large, prominent pink color with two nostrils. The mask has a textured, hairy appearance. The background is plain white.

**Клинок,
рассекающий
демонов.
Демон
отчаяния.**

Nui NU

Nui NU

**Клинок, рассекающий
демонов. Демон отчаяния.**

«Автор»

2026

NU N.

Клинок, рассекающий демонов. Демон отчаяния. / N. NU —
«Автор», 2026

Танджиро становится сильнее. Зеницу становится сильнее. А Иноске всё чаще остаётся один на один с вопросом: кто он для них — друг? Или просто полезный зверь? А потом приходят сны. Чёрный лес. Гора, обмотанная туманом. И человек без маски, который говорит: «Там твоя сила. Наша. И для неё тебе никто не нужен». Иноске всегда умел драться с демоном, который стоит перед ним. Но что делать, если враг уже под кожей?

© NU N., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Nui NU

Клинок, рассекающий демонов. Демон отчаяния.

ГЛАВА 1

Битва между Демоном Отчаяния и троицей была в самом разгаре.

Танджиро наносил удар за ударом — клинок высекал искры, скользил, отскакивал, — но крепкая чешуя не поддавалась. Ни царапины. Ни вмятины. Будто рубишь камень, обтянутый мокрой кожей.

Иноске не стал дожидаться плана. Не стал слушать, не стал думать. Рванул вперёд, вскидывая оба клинка над головой, и заорал так, что, казалось, воздух треснул:

— Зарублю! Порублю на мелкие кусочки! Ты будешь сашими, тварь!

И обрушил лезвия. Раз. Два. Три. Четыре. Слепо, яростно, с размаху — каждый удар тяжелее предыдущего, каждый с воем, будто он не демона рубит, а собственную злость пытается из себя выгнать.

Пока Иноске молотил по чешуе, Танджиро, не отводя взгляда от противника, быстро, отрывисто заговорил:

— Чешуя крепкая, вдвоём не пробьём, если бить куда попало. Слушай сюда: два удара, быстро, в одну и ту же точку. Сначала по его длинным рукам — выбиваем защиту. Потом уже по шее.

Зеницу сглотнул. Колени дрожали, пальцы белели на рукояти. Но он кивнул.

— Д-да. Хорошо. Давай.

В этот момент Иноске улетел.

Не упал — именно улетел. Демон Отчаяния мазнул по нему тыльной стороной ладони, как отмахиваются от мухи, и тело Иноске врезалось в ствол дерева. Хруст. Не треск ветки — глухой, властный хруст костей. Дерево зашаталось, осыпало его листьями. Иноске сполз на землю, попытался опереться на руки, подняться. Не вышло. Из рта толчком вышла тёмная кровь, капнула на подбородок, на грудь. Он дёрнулся снова. И снова. Пальцы скребли по земле, оставляя борозды.

Но встать не получалось.

Первый удар лёг точно в намеченную точку. Чешуя лопнула с сухим щелчком, и из-под неё проступила тёмная, влажная рана. Второй удар не заставил себя ждать — клинок вошёл в ту же борозду, глубже, до хруста. Демон дёрнулся. Его длинная рука — та самая, которой он только что отбросил Иноске, — отделилась от тела и шлёпнулась на землю, всё ещё сжимая пальцы, всё ещё подрагивая, будто пытаясь что-то схватить. Из обрубка хлестнуло чёрным. Демон завизжал — тонко, протяжно, не по-звериному, а как ржавый металл по стеклу.

Иноске встал.

Не сразу. Сначала колени, потом упор на ладони, потом — рывком, на прямых ногах. Боль была. Конечно была. Но он сжал зубы так, что заскрипели, и закричал. Не от боли — от ярости. И в момент крика кровь плеснула из его рта веером, густая, тёмная, обдала Танджиро, Зеницу, землю вокруг. Будто в нём что-то лопнуло внутри.

Он замахнулся. Удар вышел слабым — рука дрожала, клинок скользнул по чешуе, едва оставив царапину. Но демон уже не смотрел на него как на муху. Пальцы сомкнулись на горле Иноске. Подняли. Ноги оторвались от земли, пальцы заскребли по запястью твари.

И вот тут подоспели.

Танджиро и Зеницу ударили одновременно — с двух сторон, скрестив клинки на второй руке демона. Лезвия вошли в ту же рану, что и прежде, провернули, дожали. Кость хрустнула. Вторая рука упала рядом с первой, и обе продолжали дёргаться на земле, пальцы скребли по камню, оставляя борозды. Демон завыл, но уже без прежней ярости — скорее от неожиданности, от того, что тело вдруг стало короче на две конечности.

А Иноске, едва почувствовав, что хватка ослабла, не отступил. Шагнул вперёд. Обхватил демона — без рук, без оружия, голыми пальцами впился в чешую на спине, вжался лбом в плечо твари и сжал. Сжал так, что побелели костяшки, так, что затрещали собственные рёбра. Держал. Не давал дёрнуться, не давал повернуться, не давал сбежать.

— Давай! — хрипнул он. Или не хрипнул. Может, просто выдохнул. Звук всё равно потонул в крови на губах.

Танджиро и Зеницу не заставили ждать. Два клинка, одна точка, один удар — чистый, быстрый, финальный. Лезвие вошло в шею. Голова демона отделилась и покатила по земле, всё ещё шевеля губами. Тело дёрнулось раз, другой — и начало рассыпаться пеплом.

Иноске разжал пальцы. Пепел прошёл сквозь них, как тёплый снег. Ноги подогнулись. Он рухнул на колени, потом на бок. Земля была холодной. Он это почувствовал. А потом перестал. Тьма накрыла мягко, без снов.

Очнулся он не сразу.

Сначала — белый потолок. Потом запах: травы, крови, чего-то горького и лекарственного. Потом голоса — далёкие, будто из-под воды. Тело лежало на больничной койке, прижатое простынями, и каждая клетка ныла тупо, ровно, как ноет всё после долгого сна в неудобной позе. Глаза закрылись сами. Он уснул снова. И ещё раз. И ещё.

Раны затягивались быстро. Слишком быстро. Там, где вчера была глубокая борозда, сегодня уже розовела молодая кожа. Кости срослись за неделю. Танджиро говорил, что это нормально, что организм у Иноске крепкий, звериный. Зеницу соглашался и переставал нервничать.

Но месяц спустя появилась спина.

Точнее — зуд. Прямо между лопатками, чуть ниже, туда, куда не достать пальцами. Сначала лёгкий, терпимый. Потом навязчивый. Потом сводящий с ума. Иноске чесал. Сначала ногтями. Потом о дверной косяк. Потом о кору дерева в лесу — прижимался спиной и тёр, тёр, тёр, как зверь, которого одолели блохи. До красноты. До ссадин. До крови, которая проступала сквозь ткань хаори и оставляла бурые разводы.

— Да что с тобой? — спрашивал Танджиро, отводя взгляд.

— Чешется, — огрызался Иноске. И чесал дальше. Как бешеный. До крови.

Ночью Иноске был в палате один.

Горькие лекарственные отвары он давно не пил. Стоило сестре отвернуться — и тёмная жижа летела в открытое окно, разбиваясь о подоконник мелкими каплями. А Иноске морщился, кривил рот, цыкал сквозь зубы и вытирал подбородок тыльной стороной ладони — всё для того, чтобы со стороны казалось, будто он глотает. Чтобы не задавали вопросов. Чтобы не заставляли пить снова.

Но той ночью сон не шёл.

Он лежал на спине, смотрел в потолок и не видел его. Видел другое.

Демон Отчаяния. Мазнул ладонью — и Иноске летит. Не падает. Летит. Как тряпичная кукла, которую ребёнок швырнул в угол и забыл. Тело врезается в дерево, хрустят кости, и он пытается встать. Пытается. А ноги не держат. А изо рта кровь. А бой продолжается без него.

Если бы не Танджиро. Если бы не Зеницу. Его бы здесь не было. Лежал бы в земле. Или в яме. Или нигде — просто мясо, которое демон сожрал и забыл.

И это не первый раз. Не первый. Сколько их было — боёв, где он оказывался на земле, в пыли, с прокушенной губой и пустыми руками, пока другие рубили, резали, спасали? Сколько

раз он вставал последним, а не первым? Сколько раз его поднимали, оттаскивали, закрывали собой?

Он перевернулся на бок. Простыня зашуршала. Зуд между лопатками вспыхнул, как укол, и он машинально потянулся назад, но не достал. Сжал кулак. Разжал.

Все растут. Танджиро с каждым боем быстрее, точнее, спокойнее. Зеницу — тот самый Зеницу, который трясся и плакал, — теперь бьёт уверенно, без колебаний. Они становятся сильнее. Они становятся больше, чем были. И они любят друг друга — не говорят вслух, но это видно. В том, как Танджиро кладёт руку на плечо. В том, как Зеницу, дрожа, всё равно встаёт рядом. В том, как они смотрят друг на друга после боя — усталые, окровавленные, живые.

А он?

А он — зверь. Ест, когда голоден. Спит, когда тело падает. Дерётся, когда кто-то лезет в морду. Не думает. Не чувствует. Не говорит «спасибо», не говорит «прости», не говорит «я рядом». Хрюкает из-под кабаньей маски и машет клинками. Животное. Полезное животное. Пока дерётся — нужен. Перестал драться — и что? Кому он такой нужен? Тряпичная кукла. Обломки костей в лесу. Кровь на чужих лицах.

Он сел. Резко. Кровать скрипнула. Пальцы вцепились в край матраса.

Слабый.

Слово всплыло само, чужое, тяжёлое, как камень на дне реки. Он не хотел его думать. Думал.

Слабый. Слабый. Слабый.

Все становятся сильнее. Любят друг друга. Растут. А он — стоит. Застрял. Как зверь в клетке, который бьётся прутья лбом и не понимает, почему не может выйти.

Зуд вспыхнул снова. Он потянулся к спине, впился ногтями через ткань, рванул. Больно. Хорошо. Хоть что-то настоящее.

За окном выл ветер. Луна лежала на полу бледным прямоугольником. Иноске сидел, обхватив колени, и дышал. Тяжело. Неровно. Как после боя, которого не было.

Так он и уснул. С открытыми глазами.

Или это вовсе не было сном. Скорее видение — из тех, что приходят не когда веки тяжелеют, а когда внутри что-то надламывается и проваливается в пустоту, и пустота начинает говорить чужим голосом.

Лес. Не больничный двор, не тренировочная поляна — лес, которого он не знал и не помнил. Деревья стояли чёрные, без листьев, без коры, гладкие, как обугленные кости. Небо над ними было низкое, серое, без солнца и без звёзд. Воздух пах мокрой землёй и чем-то ещё — железом, может быть. Старой кровью.

Под деревом сидел кто-то.

Иноске шагнул. Потом ещё. Потом ещё. Трава под ногами не шуршала. Не было травы. Была голая, тёмная земля, и на ней не оставалось следов.

Он подошёл ближе. Увидел лицо.

И остановился.

Это был он. Иноске. Без маски. Без клыков, без кабаньей морды. Голый, человеческий. И — другой. Выше. Шире в плечах. Спина прямая, руки спокойные, пальцы лежат на коленях ровно, не сжимаются. Глаза открыты и ясны, без той бешеной, мечущейся искры, которая живёт в нём наяву. Этот Иноске не дёргался. Не рычал. Не лез в драку. Просто сидел и смотрел.

Встал. Плавно, без рывка, как встают те, кому не нужно никуда бежать. Подошёл. Положил руку на плечо Иноске — тяжёлую, тёплую, чужую.

— Я не стал сильнее с ними, — сказал он. Голос был его и не его. Ниже. Ровнее. Без хрипа.

Он повернул голову, указал. Там, за поляной, за полосой чёрных деревьев, на залитом мягким светом лугу играли в мяч Танджиро, Зеницу и Незуко. Смеялись. Зеницу споткнулся,

сел, Танджиро протянул ему руку, Незуко кинула мяч ему в лицо, и все засмеялись. Простые. Живые. Вместе.

— Я стал сильнее с ними, — повторил тот Иноске. И голос дрогнул на последнем слове. — А потом стал слабее.

Он убрал руку. Отошёл на шаг. Посмотрел на свои ладони, будто видел их впервые.

— Одиночество. Вот что даст силу. Не они. Не мяч, не смех, не чужая ладонь на плече. Ты один — и ты целый. Ты один — и тебе некого терять. Ты один — и никто не увидит, как ты падаешь.

Он повернулся. Поднял руку и указал на гору.

Гора стояла на горизонте — огромная, тёмная, с рваной вершиной, обмотанной облаками, как тряпьем. Не гора — клык, торчащий из земли. У её подножия клубился туман, густой, белый, живой.

— Там моя сила, — сказал он. Помолчал. Поправился: — Наша. Иди за ней.

И улыбнулся. Тихо. Без клыков. Без маски. Совсем не так, как улыбается Иноске.

Он встал.

Не из сна встал — из кровати. Рывком, на прямых ногах, простыня соскользнула на пол. Сердце колотилось. В висках стучало. Пальцы дрожали, но не от страха. От чего-то другого. От уверенности. Чужой, вложенной, но уверенности.

Он не понимал, что видел. Не помнил слов — только ощущение. Гора. Туман. Голос, который сказал: иди. И этого было достаточно.

Клинки лежали у стены. Он взял их. Привычным движением, за спину, крест-накрест. Холодок стали сквозь ткань. Своё.

В соседней комнате спали. Танджиро лежал на боку, подложив ладонь под щеку, дышал ровно. Зеницу раскинул на спине, приоткрыв рот, бормотал что-то во сне. Незуко свернулась в углу, маленькая, тихая.

Иноске смотрел на них. Долго. Секунд десять. Может, двадцать.

Потом повернулся. Вышел. Дверь не скрипнула — он придержал её рукой, бесшумно, аккуратно. Так, чтобы не разбудить.

Ночь была тёмная. Воздух холодный. Он шёл быстро, не оглядываясь. Клинок за спиной стучал о клинок, и этот звук был единственным, что напоминало: он не один.

Но он уже решил, что это нужно исправить.

Иноске уже был в лесу.

ГЛАВА 2

Светало. Не резко, не вдруг — серость поднималась из-под земли, ползла по стволам, цеплялась за ветки, и небо из чёрного становилось пепельным, потом бледным, потом почти белым. Солнца ещё не было. Только обещание. Только намёк на тепло где-то за линией гор.

Он шёл выше. И выше. Тропа давно кончилась — осталась голая земля, камни, корни, торчащие из склона, как рёбра. Он не смотрел под ноги. Ноги сами знали, куда ставить. Знали лучше головы. Голова была занята другим.

Мысли текли медленно, густо, как смола. Не о бое. Не о боли. Не о том, как хрустнули рёбра и как кровь брызнула на чужие лица. О силе. О той, что живёт в горе. О той, что показал ему тот, другой, без маски. Наша, сказал он. Иди за ней.

И Иноске шёл.

В этот миг он не думал о друзьях. Не думал о том, как Танджиро проснётся, потянется, увидит пустую койку. Как Зеницу сядет, заморгает, позовёт. Как Незуко наклонит голову и не поймёт. Не думал, будут ли искать. Побегут ли следом. Будут ли кричать его имя в лесу, как зовут потерявшуюся собаку.

Не думал. Не мог. Мысль о них была далёкой, глухой, будто доносилась из-под воды. А зуд — зуд был близко. Зуд был здесь.

Спина вспыхнула. Между лопатками, ниже, по позвоночнику, как горячая игла под кожей. Он остановился. Повернулся. Прижался спиной к стволу — грубому, шершавому, с наплывами коры. И потёрся.

Сначала медленно. Потом сильнее. Потом яростно, с нажимом, вжимаясь в дерево всем весом. Кора драла ткань хаори, драла кожу, и он чувствовал, как под пальцами, под тканью, под всем этим становится мокро. Тепло. Кровь. Он не останавливался. Тёрся, как зверь о скалу, оставляя на коре длинные, тёмные мазки. Красные. Бурые. Кора впитывала, и на стволе оставались следы, будто кто-то провёл по нему окровавленной ладонью. Сверху вниз. Сверху вниз. Сверху вниз.

Ему было хорошо.

Не радостно. Не спокойно. Просто — хорошо. Как бывает хорошо, когда чешется то, что нельзя было достать. Когда боль на поверхности, а не внутри. Когда ты чувствуешь кожу, кровь, дерево, а не пустоту в груди.

Он отлепился от ствола. На спине горело. Хаори потемнело от влаги. В воздухе пахло железом и смолой. Он вдохнул. Выдохнул. И пошёл дальше.

Не уставал. Не останавливался. Ноги не ныли, спина не горела, лёгкие не просили пере-дышки. Тело шло само, как машина, как зверь на тропе, который знает, что водопой ещё далеко, но не ляжет, не сядет, не оглянётся.

Провизии не взял. Ни рисового шарика, ни фляги, ни свёртка с солёной рыбой, который Танджиро всегда совал ему в руки перед дорогой. Ничего. Только клинки за спиной. Только одежда на теле. Только зуд, который шёл вместе с ним, шаг в шаг, как тень.

Только он и его путь.

Лес вокруг менялся. Берёзы уступали место соснам, сосны — голым скалам. Воздух становился тоньше, холоднее. Трава редела. Птицы замолкали одна за другой, будто лес за его спиной закрывался, как рот. Впереди оставались только камни, туман и гора.

Он не оглянулся. Ни разу.

И не заметил, что на коре того дерева, у которого он тёрся, кровь не высохла. Она всё ещё сочилась. Медленно. Капля за каплей. Будто дерево было ранено. Будто дерево было живо.

В тот день в комнату, где отдыхал Иноске, зашла Аои.

В руках она держала сложенный листок с печатью Поместья Бабочки. Постучала костяшками по раме двери — негромко, по-деловому.

— Иноске. Пришли результаты по поводу твоего зуда. Спина, помнишь? Я говорила, что покажу Шинобу-саме, она просила передать, что...

Она осеклась. Комната была пустой. Койка смята, простыня на полу, хаори не висит на крючке. Ни клинков, ни маски, ни самого Иноске. Только окно приоткрыто, и занавеска чуть колыхнется от сквозняка.

Аои моргнула. Посмотрела на листок в руке. Потом снова на пустую кровать.

Наверное, — подумала она, пожимая плечами, — зная его, уже где-то носится. Прыгает по деревьям. Лупит камни. Тренируется. Она сунула листок под подушку на его койке и вышла.

Во дворе было шумно.

Танджиро и Зеницу приседали. Не просто приседали — с валунами. Танджиро держал свой камень на вытянутых руках, как корзину, и опускался медленно, ровно, дыша через нос. Зеницу прижал свой к груди, трясся, скулил, но приседал. Колени ходили ходуном.

— Я умру, — проскулил он на очередном подъёме. — Танджиро, я сейчас умру и это будет твоя вина.

— Ещё двадцать, — ответил Танджиро спокойно. Не сбив дыхание. Ни на полтона.

В тени, у стены, сидела Незуко. Маленькая, в укороченном кимоно, с бамбуковой затычкой во рту. Она держала в обеих ладонях сырую рыбину — серебристую, блестящую, только что выловленную. Откусывала. Жевала. Глотала. Быстро. Жадно. Бросая по сторонам настоженные взгляды, как зверёк, который ест украдкой.

Танджиро был повернут спиной. Зеницу смотрел в свой валун. Никто не видел.

Незуко откусила ещё. Довольно прищурилась.

Аои вышла на крыльцо, оглядела двор и окликнула:

— Танджиро-сан! Зеницу-сан! Вы не видели Иноске?

Приседания остановились. Валуны грохнули на землю.

Зеницу выпрямился первым. Вытер пот со лба.

— А? Не-а. А что?

— Комната пустая. Клинка нет. Хаори нет. Я подумала, может, тренируется где-то, но...

Она не договорила. Танджиро уже шёл к дому. Быстро. Не побежал — пошёл, но так, что трава приминалась под сандалиями. Зеницу за ним. Незуко спрятала рыбину за спину, вытерла рот рукавом и поковыляла следом.

Искали долго.

Обошли двор. Заглянули в сарай, в тренировочный зал, в кухню. Танджиро вышел за ворота, втянул воздух носом. Зеницу бегал по периметру, заглядывал за каждый куст. Незуко тыкала пальцем в разные стороны, мычала вопросительно.

Ничего. Пусто. След обрывался у кромки леса, дальше камни, дальше скалы, дальше — ничего.

Зеницу остановился. Тяжело дышал. Лицо было бледное.

— Неужели... его похитили? — голос дрогнул. — Пока мы тут с камнями приседали, кто-то пришёл и... и утащил? Как мешок с рисом?

Танджиро покачал головой. Медленно. Втянул воздух ещё раз. И ещё. Ноздри дрогнули.

— Нет. Тут нет чужого запаха. Нет следов борьбы.

Он замолчал. Присел у порога. Провёл пальцами по земле. Потом по косяку. Потом замер.

— Может, он сам, — произнёс он наконец. Тихо. Будто боялся произнести вслух. — Ушёл. Сам. Может, он...

Он не договорил. Незуко дёрнула его за рукав. Танджиро посмотрел на неё. Она смотрела в ту же сторону, в лес. Мычала. Тихо, протяжно. Будто звала.

Но Иноске уже не слышал.

Иноске лёг после захода солнца.

Обычно в это время они сидели вместе. Танджиро разжигал огонь, Зеницу ныл, что искры летят в волосы, Незуко тыкала палкой в угли. Они говорили о тренировках, о завтрашнем дне, о том, кто кого быстрее. Говорили громко, перебивая друг друга, и Иноске орал громче всех.

Сейчас не было никого. Только земля. Только небо, из которого уходил последний свет. Он лёг на бок, подтянул колени к груди. Тело гудело от долгой ходьбы — не больно, а тупо, глубоко, как гудит бревно, в которое били весь день. Глаза слиплись. Не закрылись — слиплись, будто веки намазали смолой. Он не стал сопротивляться. Сон накрыл сразу, без перехода, как вода накрывает камень.

Опять то место.

Чёрные деревья. Низкое небо. Голая земля без травы. Он стоял там, где стоял прошлый раз, а тот, другой, сидел под своим деревом. Но ближе. Ближе, чем вчера. На два шага. На один.

— Ещё чуть-чуть, — сказал тот Иноске. Голос ровный. Тихий. Как шёпот из-под воды. — И мы воссоединимся.

Иноске хотел ответить. Не смог. Потому что спина горела. Зуд вспыхнул так, что пальцы сами метнулись назад, заскребли, впились в кожу через ткань. Ногти рвали. Кожа рвалась. Больно. Не помогает. Чешется сильнее. Сильнее. Сильнее.

Другой встал. Подошёл. Положил ладонь ему между лопаток.

Тепло. Не жар — тепло. Ровное, глубокое, как рука на груди у спящего. И зуд стих. Не исчез — стих. Ушёл внутрь, свернулся, как зверь, которому почесали за ухом. Пальцы Иноске разжались. Руки упали.

Он посмотрел на того, другого. Тот улыбнулся. Без клыков. Без маски.

Проснулся до рассвета. Небо ещё тёмное, но на востоке уже серела полоса.

Иноске встал. Спина была каменная. Не болела — окаменела. Будто между лопатками вросла чужая кость, плоская, тяжёлая, горячая. Он повёл плечами. Хрустнуло. Пошёл дальше.

По пути срывал с деревьев плоды. Дикие, мелкие, кислые. Горсть за горстью. Ел на ходу, не останавливаясь, не глядя, что берёт. Сок тёк по подбородку, капал на грудь. Он не вытирал.

Дошёл.

ГЛАВА 3

Гора стояла перед ним. Та самая. Рваная вершина, обмотанная облаками. Туман у подножия. Клыки скал. Всё как в видении. Всё как сказал тот, другой.

Иноске остановился. Посмотрел вверх.

И его повело. Не усталость — он не был уставшим. Ноги не болели, дыхание было ровным. Но веки потяжелели. Мир качнулся. Земля ушла из-под колен. Он упал. Не сел — упал, как падает дерево: прямо, без рывка, без попытки ухватиться.

Закрыв глаза.

Спал. Или не спал. Может, просто провалился в чёрное, без снов, без мыслей, без звука. Бессознание. Глубокое. Глухое. Как дно колодца, куда не долетает свет.

Туман у подножия горы шевельнулся. Потянулся к нему. Тихо. Медленно. Как рука.

Очнулся он уже утром.

Солнце било в лицо. Голова тяжёлая, будто внутрь насыпали мокрого песка. Мысли путались, цеплялись друг за друга, рвались. Провалы. Куски. Он помнил, как шёл. Помнил, как падал. Между ними — ничего. Белое. Глухое. Он даже не сразу вспомнил, кто он. Имя всплыло не сразу — как пузырьёк со дна. Иноске. Я Иноске.

Он посидел. Просто посидел, глядя в землю. Потом нашёл рядом вчерашние плоды — мятые, тёплые, уже подгнившие. Сунул в рот. Жевал медленно. Вкус вернулся. Память — следом.

Рука была каменная.

Не затёкшая. Не отлёжанная. Одубевшая. Будто кожа стала толще, мышцы — туже, а под ними вместо жил — нечто плотное, гладкое, чужое. Он с трудом сомкнул пальцы на рукояти клинка. Пальцы слушались плохо, как в перчатке на два размера меньше.

Он встал. Замахнулся. Нанёс режущий удар — тот самый, рубящий, с разворота, как учил его Синеми Синадзугава. Ветровой Столп. Говорил коротко, бил больно, терпеть не мог нытьё. «Не маши. Режь. Как будто воздух тебе должен.»

Иноске резал воздух. Раз. Два. Три. Перерыв. Дыхание. Снова. Четыре. Пять. Шесть. Рука не слушалась, клинок шёл криво, с задержкой, будто он бил сквозь воду. Он рычал. Начи-
нал заново. Удар за ударом. Перерыв. Удар за ударом.

Пока не пришла мысль.

Простая. Злая. Бей по камню.

Он подошёл к валуну. Серый, округлый, вросший в землю по пояс. Не стал примеряться. Не стал замахиваться. Просто — прямой удар. Тычок. Той самой одубевшей рукой, сжатой в кулак. Без разгона. Без крика. Вполсилы.

Камень разлетелся.

Не треснул. Не раскололся надвое. Разлетелся в щепки. В крошево. В пыль. Куски брызнули в стороны, застучали по земле, по кустам. Обломки размером с кулак отлетели на три шага.

Иноске стоял. Рука опущена. На костяшках — ни царапины. Ни красноты. Ничего.

На лице — ужас. Чистый, детский, без примеси. Глаза расширены. Рот приоткрыт. Он смотрел на свою руку так, будто она принадлежала не ему. Будто из неё сейчас вылезет что-то чужое.

А потом — радость.

Она пришла волной, горячей, хмельной, как удар сакэ в пустой желудок. Ужас не ушёл — просто утонул в ней.

— Я очень силен, — выдохнул он. Голос дрожал. Не от страха. От восторга. — Значит, тут реально была моя сила. Моя. Не чужая. Не одолженная.

Он сжал кулак. Разжал. Снова сжал. Чувствовал, как под кожей что-то плотное, гладкое перекачивается, как жила. Не больно. Не страшно. Просто — есть.

— Теперь я не буду мешаться. Не буду падать. Не буду, чтобы меня поднимали. Я сам. Один. Буду выносить головы демонам. Одну за другой. Без помощи. Без плана. Без «подожди, Иноске, давай вместе». Сам.

Он повернулся к дереву. Сосна. Не толстая, но крепкая. Вросла в землю корнями, держится, как вцепившаяся в грунт лапа.

Иноске обхватил ствол. Той самой рукой. Пальцы сомкнулись. Кора врезалась в ладонь. Он потянул. Напрягся. Мышцы свело. Зубы стиснуты. В ушах загудело.

Дерево дёрнулось. Хрустнуло. И вышло. С корнями. С комьями земли, с тонкими белыми нитями, которые тянулись из почвы и рвались, как струны. Иноске стоял, держа сосну в руке, как дубину. Корни свисали, сыпали землю ему на плечи.

Первую секунду было страшно. По-настоящему. До холода в животе. Что со мной? Что это за сила? Это не моё. Это не я.

Но страх ушёл. Быстро. Как пришёл.

И на его место встало другое. Предвкушение. Тёплое, щекочущее, нетерпеливое.

Два дня. Вернусь через два дня. Покажу им. Танджиро увидит. Зеницу увидит. Они поймут. Я не тряпичная кукла. Я не зверь, которого тащат на верёвочке. Я — Иноске. И я сильнее вас всех.

Он бросил дерево. Оно упало с глухим стуком. Земля дрогнула.

Сон пришёл не сразу.

Сначала была темнота. Потом — не темнота. Не лес, не гора, не больничная койка. Место, которого нет. Пространство без стен, без пола, без неба. Только серая, ровная пустота, и в ней — два силуэта.

Он стоял. Босиком. Без маски. Без клинков. В одном хаори, распахнутом на груди. Вокруг — ничего. Ни звука. Ни ветра. Даже дыхание не слышно, будто воздуха нет, а лёгкие работают по привычке.

И тот, другой, был рядом. Не напротив. Не на расстоянии. Рядом. Плечом к плечу. Как тень, которая вдруг стала объёмной и тёплой.

— Вот, — сказал другой Иноске. Голос мягкий. Ровный. Без насмешки. — Ты получил силу. Теперь ты сильный. Настоящий. Не тот, кто падает. Не тот, кого поднимают. Настоящий.

Иноске посмотрел на свои руки. Сжал кулаки. Почувствовал — да. Плотное. Гладкое. Живое. Под кожей, в мышцах, в костях. Сила. Его.

— Да, — выдохнул он. И голос был свой. Хриплый, громкий, с тем самым рыком на дне. — Да. Я сильный. Теперь я вернусь и помогу им. Танджиро. Зеницу. Незуко. Мы будем бить вместе. Я буду прикрывать, а они — рубить. Я не буду падать. Я буду с ними.

Он сказал это и почувствовал, как внутри что-то расправилось. Тёплое. Простое. Как огонь в груди. С ними. Не один. Не зверь. Не кукла. С ними.

Другой Иноске молчал. Секунду. Две. Три.

Потом повернул голову. Посмотрел. Без маски. Без клыков. Глаза ясные, спокойные. И в них — жалость. Не злость. Не насмешка. Жалость. Тихая, мягкая, как рука на плече у больного.

— Помочь, — повторил он. Тихо. Будто пробуя слово на вкус. — Ты хочешь помочь.

— Да.

— А ты подумал, что им не нужна твоя помощь?

Иноске моргнул.

— Что?

Другой отвернулся. Посмотрел в серую пустоту. Заложил руки за спину. Говорил спокойно, как говорят о погоде.

— Вспомни бой. Ты напал первым. Без плана. Без слова. Рванул, как зверь. И что? Тебя отбросили. Сломали. Кровь изо рта. А Танджиро и Зеницу били вдвоём. Без тебя. И попали. И убили бы, если б ты не лез.

— Я не...

— Ты не мешал? — Другой повернулся. Не зло. Не грубо. Просто спросил. Как спрашивают: ты уверен? — Ты упал. Лежал. Кровь. Они бились, а ты лежал. Потом встал и полез снова. И демон схватил тебя за горло. И опять они тебя спасали. Снова. Опять. Всегда.

Иноске сжал челюсть. Кулаки.

— Это было один раз.

— Один? — Другой чуть наклонил голову. — А до этого? А до того? Сколько раз ты падал, Иноске? Сколько раз тебя тащили? Сколько раз Танджиро говорил «всё в порядке», а сам перевязывал тебе рёбра? Сколько раз Зеницу тряסה, но вставал перед тобой, потому что ты не мог встать сам?

Тишина.

Иноске молчал. Не потому что нечего сказать. Потому что помнил. Помнил каждый раз. Каждую руку на плече. Каждое «держись». Каждое «я рядом». И каждый раз — свою спину на земле. Свою кровь на чужих пальцах.

— Им без тебя лучше, — сказал другой. Тихо. Почти ласково. — Ты думаешь, они тебе скажут? Танджиро не скажет. Он добрый. Улыбнётся, скажет «мы команда». А внутри? Внутри он устал тебя поднимать. Зеницу боится. Не демонов. Тебя. Твоего крика. Твоей крови. Того, что ты снова упадёшь и ему снова придётся лезть.

— Нет, — сказал Иноске. Но тихо. Не рыкнул. Не заорал. Просто — нет. Тихое, неуверенное.

— А Незуко? Она смотрит на тебя и не понимает. Ты для неё — шум. Крик. Хаос. Она не знает, как с тобой. Никто не знает. Ты — зверь в комнате, где люди учатся ходить. Ты их пугаешь. Не со зла. Просто есть.

Внутри что-то дёрнулось. Тонко. Больно. Как нитка, которую тянут из-под кожи.

— Нет. Они мои друзья. Танджиро сказал... Зеницу сказал...

Что сказали? Что сказали, кроме «всё в порядке»? Кроме «вставай»? Кроме улыбки, за которой — усталость?

— Ты вернёшься, — продолжал другой. Голос ровный. Терпеливый. — Покажешь силу. И что? Они испугаются. Не обрадуются. Испугаются. Потому что ты станешь чужим. Ещё более чужим, чем был. И тогда точно не понадобится. Ни как боец. Ни как друг. Ни как кто-либо. Просто — лишний. Громкий. Лишний.

Иноске опустил голову. Смотрел на свои ноги. Босые. На сером. Без следов.

— Я не лишний, — сказал он. Но голос уже не рычал. Шептал.

— Не лишний, — согласился другой. Мягко. — Конечно. Но и не нужный. Понимаешь разницу? Лишний — это когда выгоняют. А не нужный — это когда терпят. Улыбаются. Говорят «мы команда». А ночью, когда ты спишь, смотрят друг на друга и думают: как бы полегче сказать ему, что...

— Замолчи.

— Что ты их тянешь вниз.

— Я сказал — замолчи!

Но крик вышел хриплый. Слабый. Не рык. Скулеж.

Другой замолчал. Улыбнулся. Тихо. Без клыков. Положил руку ему на плечо. Ту же руку. Тёплую. Тяжёлую.

— Я не враг тебе, Иноске. Я — это ты. Тот, который не падает. Которому не нужен никто. Который не слышит «всё в порядке», потому что ему не нужно, чтобы было в порядке. Ему просто нормально. Одному. Сильному. Целому.

Иноске стоял. Плечи опущены. Голова чуть наклонена. Внутри — не пустота. Хуже. Каша. Тёплое «я вернусь к ним» мешалось с холодным «им без тебя лучше». Мешалось, мутило, не давало вздохнуть.

— Они мои друзья.

— А ты им нужен?

— Они искали бы меня.

— А может, выдохнули. Может, рады. Тихо стало. Никто не орёт. Никто не лезет без плана. Никто не падает и не просит поднять.

— Хватит, — прошептал Иноске. Не кому. Себе. Ему. Обоим.

Другой убрал руку. Отошёл на шаг. Посмотрел. Спокойно. Без торжества. Без злобы. Просто посмотрел. Как смотрят на того, кто уже принял решение, но ещё не знает об этом.

— Спи, — сказал он. — Утром поймёшь.

Проснулся.

Не рывком. Не с криком. Медленно. Как всплывают со дна — тяжело, с давлением в ушах, с мутью перед глазами.

Солнце уже стояло. Свет лежал на земле ровными полосами. Птицы кричали где-то вверху. Воздух пах хвоей и камнем.

Иноске сел. Посмотрел на руки. Сжал. Разжал. Сила была. Плотная. Живая. Никуда не делась.

Но внутри было тихо. Не радостно. Не горячо. Тихо. Серо. Как небо перед дождём, который не начинается.

Он не вскочил. Не заорал. Не замахал кулаками в воздух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.